

трескъ оружія, смѣшавшись вмѣстѣ съ шумомъ бѣгущихъ солдатъ, составляли дикій и ужасный гулъ. Свѣтъ померкъ отъ поднявшейся густымъ столбомъ пыли!.. Не болѣе какъ черезъ 12 минутъ все очутилось у Дорогомиловской заставы“.

Войскамъ приказано было соблюдать строжайшій порядокъ, конницѣ не слѣзать съ коней. Въ Новинской части не встрѣтили ни одного человѣка; то же опустѣніе было на Арбатѣ. Наконецъ, узнали отъ двухъ найденныхъ иностранцевъ о выѣздѣ изъ Москвы дворянъ, духовенства, купцовъ, чиновниковъ, и что въ городѣ, кромѣ незначительнаго числа простого народа (около 15 тыс.), никого не осталось. Удивленіе непріятеля увеличивалось на каждомъ шагу, по мѣрѣ того, какъ по безлюдному городу приближался онъ къ Кремлю. Тамъ человѣкъ 500 вооруженныхъ жителей занимали Никольскія ворота и пути, ведущіе къ соборамъ и дворцамъ. Едва французы вступили въ Кремль, какъ по нимъ открыли огонь. По приказанію Мюрата, поставили пушку и тремя выстрѣлами разогнали вооруженную толпу. Про одного изъ такихъ храбрецовъ вспоминаетъ одна мѣщанка: „Отецъ мой былъ упорный человѣкъ, ни за что, говорилъ, не пойду, нечего француза бояться, мы его шапками закидаемъ. Раздавали оружіе въ Кремлѣ, и онъ себѣ досталъ ружье безъ курка; хотъ оно, замѣчалъ онъ, и не въ исправности, а все же пригодится, можетъ, придется француза постращать... Дошли мы до Каменнаго моста, тутъ столпилось человѣкъ сто нашихъ, а по мосту проходили непріятельскіе полки. Отецъ вздумалъ поохотиться на нихъ своимъ ружьемъ: одинъ изъ нихъ разсердился, выхватилъ у него ружье и ударилъ бѣднаго прикладомъ по затылку — кровь брызнула изъ раны...“

Ночь Наполеонъ провелъ въ Дорогомиловской слободкѣ, „въ обывательскихъ домахъ, — пишетъ Корбелецкій: — гдѣ жителей москов-

У Владимірекихъ воротъ въ Москвѣ.

скихъ, кромѣ четырехъ человѣкъ дворниковъ, никого не замѣчено“. Кромѣ клоповъ, Наполеону не давали спать и досадныя донесенія, непрерывно слѣдовавшія одно за другимъ, между прочимъ, предупреждавшія о томъ, что городъ будетъ сожженъ.

Утромъ Наполеонъ снова, но опять тщетно, ожидалъ депутатовъ изъ Москвы съ мольбою о пощадѣ и съ городскими ключами. Войска, стѣснясь у ближайшихъ заставъ, готовы были къ торжественному вступленію...“ — „Въ Москву Наполеонъ въѣхалъ (отмѣчаетъ Корбелецкій) во вторникъ 3-го сентября въ половинѣ одиннадцатаго часа утра. Арбатъ былъ совершенно пустъ. Онъ сидѣлъ на маленькой арабской лошади, въ сѣромъ сюртукѣ, въ простой треугольной шляпѣ, безъ всякаго знака отличія. Свита маршаловъ и другихъ чиновъ, окружавшихъ Наполеона, была весьма многочисленна. Пестрота мундировъ, богатство оныхъ, орденскія ленты различныхъ цвѣтовъ, — все сіе дѣлало картину прекрасною, а простоту Наполеонова убранства еще болѣе разительною. Такимъ образомъ побѣдитель Москвы доѣхалъ до Боровицкихъ воротъ, не увидя ни одного почти жителя. Негодованіе Наполеона было на всѣхъ чертахъ лица. Онъ не бралъ даже на себя трудъ скрыть то, что происходило въ душѣ его...“ „Видъ Кремля, — говоритъ Сегюръ: — этой величественной постройки Рюриковичей и Романовыхъ, видъ трона ихъ, стоявшаго на обычномъ мѣстѣ, креста Ивана Великаго и созерцаніе лучшихъ частей города, надъ которыми Кремль царитъ, нѣсколько успокоилъ Наполеона. Надежда опять зарождалась въ немъ; завоеваніе это льстило его самолюбію, и онъ съ самодовольствіемъ сказалъ: „Наконецъ я въ Москвѣ, въ старинныхъ царскихъ хоромахъ! въ Кремлѣ!“ Онъ осматривалъ все въ подробности съ гордымъ любопытствомъ и довольствомъ, расспрашивалъ о ресурсахъ города и думая уже о возможности заключенія мира“.

Назначены были губернаторъ Москвы — маршалъ Мортье, комендантъ — генералъ Дюронель, правитель губерніи — Лессепсъ; набросана прокламація къ жителямъ... Однако посланные въ городъ